

либо смешное, что ему придет на ум. Все начали выступать по очереди. Когда очередь дошла до вдовы, она с выразительными, заранее заученными жестами, прочла!

*Какого вы мнения о госте в зеленом,
Столь преданном даме и страстно влюбленном,
Что, зад ей целуя, шептал: «Мой кумир!»*

Все обратили взоры на этого молодого человека, ибо было нетрудно догадаться, что речь шла о нем. Однако он не смутился, напротив, восплавав поэтическим вдохновением, он быстро ответил своей даме:

*Какого вы мнения о госте в зеленом,
Что, с вами играя в углу потаенном.
Ваш зад трамбовал и кричал: «Ах! ах! Сыр!»*

Нет нужды говорить, что дама была сильно сконфужена этим ответом, ибо, несмотря на все свое умение владеть собою, она не могла не измениться в лице и, таким образом, не выставить себя на позор перед всем собранием. Так одним ударом молодой человек отомстил ей за эту выходку и за все ее прежние коварные проделки. Этот пример – хороший урок для всех слишком привередливых и самоуверенных насмешниц: к своему позору они большей частью попадают впросак, ибо боги помогают и покровительствуют влюбленным с искренними сердцами, как это можно видеть на примере с молодым человеком, которого Феб осенил вдохновением, чтобы он мог дать быстрый ответ на оскорбление, столь хитро и нагло задуманное дамой.

Новелла LXVIII

О мастере Берто, которого уверили в том, что он умер

Некогда в городе Руане (не ручаюсь, впрочем, за точность, что именно там) жил человек, служивший предметом развлечения для всех прохожих и проезжих (разумеется, если они только знали, как к нему подойти). Он ходил по улицам одетый то моряком, то магистром, то собирателем слив, но всегда дурак дураком. Звали его мастером Берто. Наверное, не кто иной, как он, употреблял при счете число двадцать, одиннадцать, а между тем он гордился своим званием *мастера*, как осел новым седлом. Кто забывал об этом, тот получал от него мало удовольствия, но, назвав его «мастером Берто», вы могли бы заставить его пролезть через кошачью лазейку. Причиной его слабоумия была одна шутка, сыгранная над ним несколькими весельчаками: они не дали ему спать целых одиннадцать ночек подряд, всаживая ему в ягодицы толстые булавки. А ведь это верный способ сделать человека дураком по бекар и бемоль.²⁴⁰ Правда, к этому он имел предрасположение от природы, ибо ведь он был мастером Берто.

Однажды он попал в руки к каким-то честным людям, которые увели его в поле и там, вдоволь потешившись над ним, начали уверять его, что он болен, заставили его исповедаться у находившегося среди них священника, написать завещание, а затем убедили его, что он умер, ибо пели над ним заупокойные молитвы и говорили: «Ах бедный мастер Берто! Он умер! Никогда мы его больше не увидим. Увы! Не увидим». Они положили его в тележку, возвращавшуюся в город, и шли за нею, распевая над телом бедного мастера Берто: «*Libera me, Domine*»,²⁴¹ а тот совершенно серьезно воображал себя покойником, хотя некоторые провожатые весьма убедительно доказывали ему, что он жив, пользуясь тем приемом, о котором мы только что упомянули, а именно кололи его в ягодицы булавками. Он не хотел, однако, показывать вида, что ему больно, и даже досадовал, когда при уколах ему волей-неволей приходилось немного отдергивать ляжку. Наконец один из весельчаков уколол его так сильно, что он не мог стерпеть, и, подняв голову, сказал первому

²⁴⁰ То есть натуральным дураком; здесь употреблена в переносном смысле музыкальная терминология: согласно средневековой теории музыки натуральной считалась гамма с переходом от минорных к мажорным тонам через бемоль и бекар.

²⁴¹ Избави мя, господи (лат.).